

Мое зрение то затуманивалось, то пропадало. В один момент рядом был Сефур, Майя под моей рукой, поддерживала меня, пока я, пошатываясь, шел к лошади. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, Орбен нес меня на своей спине через городские ворота. Сквозь туманную дымку я увидел, как Тамара открыла мне глаза и помахала рукой, лицо ее выражало беспокойство. Попытался улыбнуться, но зрение снова померкло.

Прощальные слова Тоты мучили меня, таились в темных уголках сознания, дразня.

Я отпущу тебя. Но за это придется заплатить. Заберу кое-что, и ты даже не поймешь, что это, пока оно не исчезнет.

Это будет не вещь. Как ни печально это говорить, но в моей жизни было не так уж много того, что меня волновало. Остались люди. Вряд ли это был мой отец. Наши противоборствующие отношения были достоянием общественности. Лилиан была столь же маловероятна, хотя и по другой причине. Она просто не была так широко известна. Наши отношения были очень личными, и до ночи коронации большинство никогда не слышало ее имени. Может быть, Сера, если только Тота не знала меня так хорошо, как ей казалось. Мать и Аннет сразу же пришли на ум как наиболее вероятные цели. Мысль о возможной потере любой из них, после всего, что пришлось преодолеть, чтобы выжить до этого момента, была ошеломляющей. Но была и третья возможность. Тота, казалось, обладала знанием будущего. Она постоянно ссылалась на него. Вполне возможно, что она предпримет шаги по устранению кого-то, кто мог бы помочь мне в будущем. Но беспокойство о чем-то таком туманном свело бы меня с ума. Нужно отправить еще одно письмо в столицу, попросить отца усилить охрану вокруг сестры и матери.

Если бы только удалось остаться в сознании достаточно долго, чтобы сделать это.

Надо мной парила одинокая люминесцентная лампа, яркая и неуютная. Я лежал на столе врача, раздетый по пояс. Мужчина тыкал и прощупывал меня холодными руками. Мое сознание колебалось и утекало.

— Обильное внутреннее кровотечение. Вы говорите, что это сделала магия?

— Тяжелое повреждение души, — голос Майи. — Фосфорный кобальт, что угодно, чтобы временно остановить это, пока мы будем в пути...

Несмотря на боль, я слегка улыбнулся. Отличный диагноз. Майя действительно приняла близко к сердцу уроки аптекаря.

— Этого не будет, — вклинился Сефур. — Меня устраивало это маленькое приключение, пока у кронпринца Ускара не начала идти кровь из глаз...

— В данный момент мы ближе к анклаву магов, чем к любому другому институту, — сказала Тамара, — отсюда до него три дня пути, если поднажать. Ближайший человеческий институт — Коллегия магов, а это четырнадцать дней тяжелой езды на покалеченных лошадях, такая

поездка была бы тяжелой для ребенка, даже если бы он не был ранен...

— Это не будет иметь значения, если они просто убьют нас, — горячо сказал Сефур. — Прости, фиолетовая малышка, но наши народы не особо то дружили за последнее столетие...

— Я не позволю им! — крикнула Майя. На этом спор затих, все голоса стихли.

— Ты молода, Майя, — сказала Тамара успокаивающим голосом. — Это не будет зависеть от тебя.

— Я поставлю на карту свою жизнь, — огрызнулась Майя. Появилось какое-то чужеродное ощущение. Я посмотрел вниз и увидел, что ее хвост защищающе обхватил мою лодыжку. — Моя семья политически нейтральна между фракциями. Если я приведу его под обряд шалиата, то это обеспечит ему жизнь, по крайней мере, достаточно долгую, чтобы он смог восстановиться.

Орбен отвернулся от остальных и задумчиво изучал меня, похоже, первым заметил, что я снова проснулся. — Что вы думаете? — спросил он меня. Я подумал о том, что сделал с человеком в переулке.

— Мы зашли слишком далеко, чтобы возвращаться назад. — Мой голос был неустойчивым. Грудь болела от вибрации простой речи. Я приподнялся на одной руке, не обращая внимания на вспыхнувшую боль. — Сефур, инферналы — самые близкие к Ускару специалисты по работе с душами. Кроме этого, трудно объяснить, но, пожалуйста, пока доверься мне. Есть вещи, которые мне нужно сделать там. Это слишком важно, чтобы перестраховаться.

— Это важнее вашей жизни? — спросил Сефур.

— Да, — немедленно ответил я. Что хорошего в жизни, если при этом я потеряю всех, окружающих меня людей.

Сефур на секунду задумался, а затем покачал головой и усмехнулся. — Каким ребенком вы должны быть, на самом деле?

Лекарь дал мне растёртый мак от боли, а также фосфорный кобальт от кровотечения. Я уже мог ходить, но ноги как будто забывали движения. Малейшее отвлечение или смена высоты — и я терял равновесие, рискуя опрокинуться.

Люциус лично снарядил для нас карету, разбудив колесничего, чтобы тот внес изменения в интерьер и сделал поездку более плавной. Он взял меня за руку, чтобы помочь забраться в карету.

— Мне нужно, чтобы вы поправились. Нет чести мстить больному человеку, — сказал Люциус.

Я начал смеяться, но тут же застонал. — А я-то думал, что ты собираешься предложить другой вид расплаты. Брось, я оказал тебе услугу. Ты ей очень понравился.

Пауза.

— Вы так думаете?

Я тупо смотрел на него. — Люциус. Не влюбляйся в нее только потому что она стала первой женщиной, обратившей на тебя внимание.

Он покраснел. — Я не влюбился!

— Конечно, конечно.

— Я не влюбился!

— Ладно, ладно, я тебе верю. — Солгал я.

Люциус откашлялся. — Серьезно. Выздоровливайте. Приезжайте сюда, когда вернетесь из анклава. Клянусь, ваш второй визит будет менее напряженным, чем первый.

Я пожал ему руку. — Обязательно. В любом случае полагаюсь на тебя. Посмотрим, сможешь ли ты выяснить у своего отца о культе метаморфоз. Я собирался задержаться здесь ненадолго, но вдруг все это. — Затем я заколебался. — Будь осторожен. Не подвергай себя риску.

— Поверьте, у меня нет намерения дважды оказаться в плену, — мрачно сказал Люциус. — Берегите себя, Кэрн.

Если бы я знал, какой жалкой будет поездка на юг, вряд ли бы говорил так уверенно. Пол кареты был устлан толстыми одеялами и подушками, но все равно каждый толчок ощущался как удар копья в спину. Бисеринки пота собирались на лбу и стекали вниз по шее к позвоночнику. Кровь словно горела. Это было совершенно необъяснимо, но мне никак не удавалось представить демоническое пламя, медленно сжигающее меня изнутри.

Теневая пантера примостилась на противоположной стороне повозки, как огромная домашняя кошка. Она преследовала нас на открытой дороге, пока Сефур наконец не затормозил, а когда он открыл дверцу, чтобы спросить что с этим делать, она запрыгнула внутрь, словно была приглашена.

Тамара потянулась вниз и протерла мою голову влажным платком. Спутники по очереди дежурили в карете, наблюдая за моим состоянием. Она прижала тыльную сторону своей прохладной руки к моему лбу. Тамара нахмурилась. — Вы потеете. Это должно означать, что жар спал, но вы не чувствуете прохлады. Если на то пошло, вы греетесь.

Я захрипел, тяжело и нутжно. Тамара наклонила меня на бок, чтобы я мог сплюнуть кровавую мокроту в стоящую рядом миску.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Чертовски отвратительно, — вздрогнул я, откидываясь назад.

— Ну, вы выглядите довольно ужасно.

— Спасибо. — Я снова улегся на спину, но тут толчок размером с маленького ребенка заставил меня вздрогнуть. Я застонал.

Тамара поморщилась. — Простите.

— Просто отвлеки меня, — сказал я сквозь стиснутые зубы, — Поговори со мной, о чем угодно.

— Ну... — медленно произнесла Тамара, в ее голос прокралось веселье, — если хотите поговорить о Майе...

— Я подам на тебя заявление о жестоком обращении с детьми.

— Хорошо. Но вы как бы ставите меня в затруднительное положение.

— Что угодно. — Мне пришла в голову мысль. — Расскажи об эльфах.

Тамара замолчала.

— Боль и опьянение. Извини, если это было грубо.

— Это не грубо, это просто... странно, — сказала Тамара. — Обычно люди просто игнорируют эту мою сторону. Или полностью концентрируются на ней.

С игнорированием все понятно, но концентрироваться на ней казалось странным. — Как это?

— Конечно, есть расисты. А еще есть... неважно. Я не буду объяснять 12-летнему ребенку, кто такие фетишисты.

— Ах. — Я поморщился. — Вот же.

— Видите ли, ведете себя невинно, а потом всплывает что-то, что не должно быть в вашей голове, и вы так реагируете. — Она бросила на меня осуждающий взгляд. — Я на это не куплюсь.

— Период с девяти до одиннадцати лет стал временем моей бурной жизни. С тех пор я успокоился.

Тамара закатила глаза. — Эльфиона, спаси меня, когда закончится моя смена? — Она хлопнула себя по колену. — Хорошо. Итак. Эльфы. Что вы уже знаете?

Я задумался. — Знаю, что у эльфов племенной строй. Светлые эльфы не особо пересекаются с темными. Они изоляционисты, причем даже между собой. Отношение к магии гораздо более эклектично и спиритуалистично. Они утверждают, что это даже не одна и та же система, хотя многие способности кажутся похожими.

— Магия другая. — Тамара, должно быть, поняла вопрос раньше, чем я успел его произнести. — Нет, у меня нет таланта. Но я видела это. До того как родители привезли меня в Уайтфолл. Сын деревенского шамана пропал в горной пещере. Его искали несколько дней. Никто не мог его найти.

— Значит, заклинание поиска? — спросил я, не совсем понимая. Практическая магия, выходящая за рамки базовых элементов, была редка, но не совсем неизвестна. Анклав славился ею.

— Нет, — улыбнулась Тамара, покачав головой от удивления. — Она снесла гору.

Я моргнул. Конечно, я ослышался. — Что она сделала?

— Она простояла у подножья несколько часов. Дерево, грязь и камень были раздроблены, как будто разорваны огромными невидимыми руками. Она разрывала ее на части, слой за слоем. Медленно, гора, достаточно высокая, чтобы закрыть солнце до раннего утра, была снесена. В конце концов, она нашла его, застрявшего в глубоком проходе. Иначе они бы никогда его не нашли.

Это было похоже на того, кого я хотел бы видеть на своей стороне. — Что с ней случилось?

— Она умерла на следующий день.

— Черт.

— Средний возраст эльфа раньше был чуть меньше тысячи лет. Сейчас мало кому из них больше ста. А большинству шаманов с таким уровнем силы было далеко за тысячу. Большинство из них... — Тамара отвела взгляд. — Ну, вы знаете.

Да. Мой отец был столь же тщательным, сколь и жестоким, а эльфы оказали больше сопротивления, чем любая другая раса. Он ответил единственным способом, каким всегда отвечал. С жестокой эффективностью.

— Ты все еще поддерживаешь с ними контакт? С твоим племенем?

— Нет. Они не любят полукровок, еще меньше — полукровок, живущих в городе, и чрезвычайно враждебны к тем, кто смешивается с «врагом», — Тамара подчеркнула последние два слова воздушными кавычками.

В тишине я задумался над этим, вновь обретая к ней уважение. Это было непросто. Логично, что она с Сефуром. В каком-то смысле они оба были словно рыба в воде. Образ Тамары, стоящей на коленях перед Сефуром, выполз из моего подсознания.

— Тамара...

— Да, Кэрн?

Я тщательно обдумал свою формулировку. — Я хочу спросить тебя кое о чем, но прежде хочу дать тебе разрешение сказать мне отвалить.

— Отвалите, милорд, — ухмыльнулась Тамара.

Теперь была моя очередь закатывать глаза. — Я имею в виду, что ты не обязана отвечать, если не хочешь.

— Ах.

— Существует ли эльфийский похоронный обряд?

Это стерло улыбку с ее лица. — Что вы имеете в виду?

— Это было... — Я придумал ложь. — Это было то, что я видел в Инхарионе. Мой отец привел меня туда, чтобы посмотреть на набег, перед тем, как на караван напали. Это было ужасно.

— Я что-то слышала об этом, да, — мрачно сказала Тамара.

— Там была эльфийская женщина, ухаживающая за мертвецом. Она потянулась к груди и достала светящуюся сферу. — Я сделал паузу, когда Тамара быстро вздохнула. — Затем она положила ее на его сердце. Это не было похоже ни на какую магию, о которой я когда-либо слышал.

— Эта женщина была душой, — резко сказала Тамара, поразив меня.

— Что это было?

— Между прочим, вы теперь должны мне за то, что заставили говорить о чем-то таком ужасном. Ладно. Ладно. Согласно нашим религиозным текстам, эльфийская душа бессмертна. В отличие от людей, наша цель не в том, чтобы попасть в Вальхаллу или Элизиум. Цель — жить счастливо. А до тех пор нам суждено перерождаться, не помня об этом, снова и снова. Только когда мы достигнем просветления, мы сможем раствориться в ничто. Ближайшим словом в вашем языке было бы «каденция». Хотя оно не передает всей сути.

Некоторые части того, что описывала Тамара, были слишком близки к тому, что происходило тогда, это не могло быть совпадением. Но я все еще не понимал. — Итак, каково значение того, что она сделала?

— Она связала свою душу с его. Моя мама называла это высшим проявлением любви. Я бы назвала это глупостью.

— Почему?

Тамара печально посмотрела на меня. — Потому что нет никакой гарантии, что это сработает. Ты отказываешься от реинкарнации, чтобы быть с кем-то вечно. Но если тот, кого ты любишь, не попадет в Элизиум, или Аид, или что там у гномов, боги пощадят эту бедную пару — они переродятся, а твоя душа будет потеряна, навсегда застрянет в небытии.

Внезапный гнев захлестнул меня из-за абсолютной жестокости поступка Таска.

Я не сомневался, что Тамара и Сефур были хорошими людьми. Они умерли за меня, даже если и не помнили этого. Но им также предстоял трудный путь. Был еще тот факт, что Сефур был офицером, а Тамара — нет, но это затмевало расовое неравенство. Это причинило бы им обоим много горя. Я долго и упорно размышлял. Они были из тех, кто мне понадобится в ночь моей коронации, когда все придет к концу. Начала формироваться идея. Решение проблемы моего отсутствия в Уайтфолле и способ вознаградить их.

— Далеко еще до анклава?

Тамара моргнула. — Сефур сказал, что мы должны быть там к концу дня.

— Принеси мне перо и бумагу. Много бумаги.